

Категория «правонарушение» в теоретико-правовых воззрениях А. П. Куницына

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовым взглядам А. П. Куницына на правонарушение. Анализируется процесс возникновения права и права человека как его вид, в контексте которого особенно выделяется право производить деяния. Исследуются воззрения ученого на понятие, виды, элементы состава правонарушения и обстоятельства, исключающие преступность деяния. Общетеоретические идеи А. П. Куницына сопоставляются со взглядами его современников — представителей науки уголовного права в целях определения степени их разработанности. В заключение приводится позиция А. П. Куницына по вопросу наказания. Автор отмечает, что А. П. Куницын вполне объективно и закономерно описывает процесс появления права, в рамках которого особенно выделяет права человека. Этот акцент особенно актуален сегодня. Деление прав человека на первоначальные и производные — совершенно правильная догадка, которая была воспринята юридической наукой в целом. Формулируя понятие деяния, несообразного с законом, А. П. Куницын не употребляет терминов «преступление» или «правонарушение». Однако используемое им слово «обида» лишь в рамках общей дефиниции адресует к частноправовой трактовке противоправного деяния. Предложенные им классификации видов обид по четкости, лаконичности и глубине мысли превосходят градации видов преступлений, предложенные его современниками — представителями науки уголовного права. Это весьма редкое явление, так как в большинстве случаев именно наработки доктрины уголовного права предшествуют собственно общетеоретическим идеям. Его взгляды на неосторожную форму вины и вовсе не имели аналогов в среде исследователей феномена преступления.

Ключевые слова: право, первоначальные права, производные права, права человека, право производить деяния, обида, психологическое принуждение, необходимая оборона, неосмотрительность, возмездие.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.100.3.021-029

Категория правонарушения традиционно представляет интерес для представителей всех социальных наук, которые рассматривают ее под своим углом зрения, исходя из потребностей развития отраслевых исследований. Особенную значимость этот феномен имеет для представителей юридической науки,

которые сформулировали понятие и признаки противоправного деяния, учение о его составе, представления о причинах, условиях и профилактике этого социально-правового явления и т.п. Однако все эти теоретические наработки возникли не сразу, а явились результатом накопления и систематизации теоретико-правовых

© Егоров А. А., 2019

* Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Egorov.a90@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

представлений, которые исторически предшествовали собственно правовым.

Как справедливо отмечает современный исследователь А. А. Гогин, «правонарушение является тем социальным явлением, которое на всем протяжении развития мировой цивилизации вызывало к себе пристальное внимание теоретико-правовой мысли»¹. Представляется, что целесообразно будет затронуть XIX в., в рамках которого были сформулированы правовые положения, которые мы адаптировали под сегодняшние потребности и пользуемся ими до сих пор.

«Первая половина XIX в. стала со многих точек зрения переломным периодом в истории российской юриспруденции. Именно в это время в России завершился процесс формирования отечественного правоведения, начавшийся с середины XVIII в.», справедливо отмечают исследователи². В рамках этого хронологического этапа следует обратиться к творчеству русского юриста, профессора Александра Петровича Куницына (1783—1840), в контексте которого был сформулирован ряд доктринальных положений категории правонарушения. Соблюдая логику изложения, необходимо обеспечить движение мысли от общего к частному и хотя бы в общем виде понять, как исследователь объяснял процесс появления права.

Объясняя процесс образования права, Александр Петрович прибегает к общепринятой концепции естественного состояния. По его мнению, первоначально люди скитались по лесам, получая пропитание благодаря рыбной и звериной ловле. В этом состоянии они заботились только о том, чтобы сберечь собственное бытие, и даже не помышляли о гражданском обществе. Мало-помалу люди начинают приобре-

тать постоянную собственность, что порождает стремление ее сохранять и приумножать. Однако сделать это в одиночку невозможно, и люди начинают объединяться в семьи. В результате этого возникает пастушеское общество, которое создается в целях обеспечения безопасности личных и вещных прав³. Как мы видим, возникновение права рассматривается как объективный процесс, обусловленный потребностями развития и усложнения форм жизни людей.

Поэтому следует согласиться с Б. С. Ошеровичем, который писал: «Куницын отрицает субъективистское понимание права. Такое представление о праве, по мнению Куницына, противоречит существу права»⁴. Важный аспект понимания права заключается также в его соотношении с феноменом свободы. Свобода выступает как необходимое условие существования права⁵. «Поколик человек может располагать своим поведением независимо от внешних впечатлений, то он называется свободным... Человек, увлекаемый страстями вопреки разуму, есть раб оных», — категорично заявлял А. П. Куницын⁶. Таким образом, наличие или отсутствие состояния свободы, по его мнению, напрямую определяют наличие или отсутствие правового статуса личности. Рассуждая о праве в целом, ученый подходит к его видам, среди которых особенно выделяет права человека.

Исследуя этот феномен, Александр Петрович отмечал врожденные, или первоначальные, и производные права. Важнейшим первоначальным правом исследователь считал право человека на самого себя, т.е. нравственная возможность располагать самим собой или собственным лицом. В этом контексте ученый особенно выделял право производить деяния и оставлять их по собственному произволу

¹ Гогин А. А. Правонарушения: понятие, сущность, виды : монография. М. : Nota Bene. 2007. С. 5.

² См.: Развитие русского права в первой половине XIX века. М. : Наука. 1994. С. 39.

³ Куницын А. П. Энциклопедия прав : Изображение системы политических наук. М. : Красанд. 2010. С. 13—14.

⁴ Ошерович Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII века — первая четверть XIX века). М. : Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР. 1946. С. 132.

⁵ См.: Гумишян Л. С. Государственно-правовые воззрения А. П. Куницына : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2004. С. 128.

⁶ Куницын А. П. Право естественное. М. : Издательство ЛКИ, 2011. С. 6.

и усмотрению⁷. Создание препятствий при осуществлении этого права, по его мнению, нарушило бы свободу индивида. Не сто́ит думать, что исследователь говорит о вседозволенности, с позиции которой человек может совершать любые деяния по своему усмотрению. Ученый формулирует некоторые ограничения права производить деяния.

«Человек по силе чувственной природы желает только того, что почитает добрым, и отвращается от того, что находит злым. Сему закону подлежат все желания, равно как и предпочтении большего добра меньшему и меньшего зла большему», — полагал Александр Петрович⁸. Вместе с тем он считал, что человек может заблуждаться и почитать истинное добро ложным и ложное истинным. Таким образом, первое сдерживающее средство коренится в природе человека, который склонен соизмерять свои поступки с требованиями добра. Вторая ограничительная мера связана с фактом нахождения индивида в той или иной общности людей.

«В уединенном состоянии человек может следовать одной только естественной свободе, т.е. он может исполнить все то, что приносит ему удовольствие. Но в состоянии общежития или прикосновения с подобными ему существами он может исполнять только то, что не вредит другим, ибо если бы он для достижения своих целей стал нарушать права других людей, то тем самым подал бы им повод поступить с ним таким же образом», — убежден ученый⁹. Следовательно, нахождение человека в общности себе подобных вынуждает его контролировать свое поведение во избежание причинения вреда окружающим. Подытоживая свои воззрения на ограниченный характер свободы человека, Александр Петрович писал: «Свобода человека ограничивается: 1) свободой других людей;

2) количеством прав, ему принадлежащих; 3) его физическими и нравственными силами, потребными для употребления права»¹⁰. Вместе с тем он не считает эти ограничения столь универсальными, что исключало бы возможность их несоблюдения.

Куницын писал: «Действия человека, простирающиеся на других, происходят или от доброжелательства, или от недоброжелательства или, наконец, не предполагают в нем ни того ни другого расположения»¹¹. Можно предположить, что речь здесь идет о прообразе различных форм проявления правомерного и противоправного поведения. Применительно к последнему он высказал ряд догадок, которые в дальнейшем нашли свое подтверждение, как в общетеоретических, так и в отраслевых исследованиях.

Именуя деяние, сходное с законом правым, а несходное — неправым, Александр Петрович писал: «Всякое деяние почитается несообразным с законом, которым нарушаются права других. Право бывает нарушено, когда кто-либо противозаконным образом исполнение оно-го сделает невозможным или воспрепятствует оному. Произвольное нарушение права другого называется обидою»¹². Слово «обида» исследователь трактовал как зло, причиненное разумному существу от другого, ему подобного. Использование ученым термина «обида» на первый взгляд адресует к праву Древней Руси, в рамках которого в феномене противоправного деяния преобладали частноправовые начала, что и обусловило устойчивое применение этого термина. Однако Александр Петрович, ссылаясь на некоторые нормы Русской Правды, лишь вскользь упоминает о существовавшей в нашем праве традиции самосуда¹³. Его внимание в этом вопросе было уделено древнему судопроизводству, которое не представляет

⁷ Куницын А. П. Энциклопедия прав. С. 5.

⁸ Куницын А. П. Право естественное. С. 4.

⁹ Куницын А. П. Энциклопедия прав. С. 44—45.

¹⁰ Куницын А. П. Право естественное. С. 31.

¹¹ Куницын А. П. Право естественное. С. 21.

¹² Куницын А. П. Право естественное. С. 24.

¹³ Куницын А. П. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2015. С. 1—5.

принципиального интереса для исследования феномена правонарушения.

Анализируя предложенную дефиницию, можно отметить, что ученый в качестве признаков правонарушения выделял признаки противоправности (несоответствие закону) и вины (произвольное нарушение права). Признак деяния, т.е. действие или бездействие, четко закрепленного в этом определении не нашел. Однако его вполне можно вывести в контексте его воззрений. Александр Петрович, отмечая отличия права от нравоучения, в частности, отмечал, что право простирается на внешнее наше поведение и требует его соответствия своим предписаниям. Нравоучение же возникает в нашем внутреннем расположении и требует, чтобы наши помышления соответствовали его предписаниям¹⁴. Исследователь пришел к выводу, что внутренние действия по существу своему не могут нарушить права других людей. Сюда он относил способность мыслить и желать. Внешние же действия бывают противны правам других людей по своей природе или по стечению обстоятельств¹⁵. Таким образом, можно уверенно отметить, что исследователь считал деяние необходимым признаком правонарушения.

Общая теория права никогда не существовала изолированно от достижений отраслевых наук. Поэтому, чтобы понять степень разработанности А. П. Куницыным феномена правонарушения, необходимо сопоставить его взгляды с идеями представителей науки уголовного права, которые традиционно задавали тон в исследованиях различных аспектов противоправных деяний.

О. Горегляд в первом учебнике по уголовному праву писал: «Преступление есть деяние противозаконное, умышленное и при том вредное государству или частным людям»¹⁶. Как мы

видим, О. Горегляд в своей дефиниции отразил признаки противоправности, вины, вреда и к числу потерпевших отнес не только частных лиц, но и государство.

В первой половине XIX в. существовало и более широкое определение преступления. Г. Солнцев писал: «...преступление есть внешнее, свободное, положительными законами воспрещаемое деяние, безопасность и благосостояние государства или частных его граждан, посредственно или непосредственно, нарушающее и правомерное наказание за собою для преступника влекущее»¹⁷. В данном случае исследователь дополняет перечень признаков преступления наказуемостью. На первый взгляд кажется, что приведенные дефиниции понятия преступления являются более совершенными, чем точка зрения А. П. Куницына. Однако Александр Петрович сформулировал ряд классификаций обид, которые охватывают признаки правонарушения, не отраженные им в понятии обиды.

Прежде всего исследователь делит обиды по качеству прав, на которые они простираются. Выделяются существенная обида, когда нарушены первоначальные права, и случайная, когда нарушению подвергаются производные права¹⁸. В этой классификации Куницын закладывает прообраз понимания степени общественной опасности. Так, например, нарушение права человека производить деяния и оставлять их по своему усмотрению является особо тяжким деянием. В свою очередь, нарушение права собственности, приобретенного, например, по договору дарения, рассматривается как менее тяжкое.

Вторая классификация базировалась на критерии количества лиц, права которых нарушены. Ученый выделял общую обиду (нарушение

¹⁴ Куницын А. П. Энциклопедия прав. С. 4.

¹⁵ Куницын А. П. Право естественное. С. 33—34.

¹⁶ Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1 : О преступлениях и наказаниях вообще. Сочинение коллежского асессора Осипа Горегляда. СПб., 1815. С. 1.

¹⁷ Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым. Казань, 1820. Под редакцией и с вступительной статьей о Г. И. Солнцева Г. С. Фельдштейна, профессора Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1907. С. 54.

¹⁸ Куницын А. П. Право естественное. С. 25.

прав, принадлежащих всем членам общества), частную обиду (нарушение прав, принадлежащих многим лицам или сословию) и особенную обиду (нарушение права, принадлежащего одному лицу)¹⁹. Следует сравнить эту градацию с видами преступлений, выделяемыми наукой уголовного права в первой половине XIX в.

О. Горегляд выделял преступления уголовные, полицейские, общественные и частные. Уголовные преступления подлежали уголовному суду и строгому наказанию или денежному взысканию. Полицейские представляли собой малые проступки или нарушения установленного благочиния, которые подвергались полицейскому суду и легкому исправительному наказанию или же без суда, одной денежной пени. Общественные нарушали права государя и государства, а также общественную тишину и спокойствие. Наконец, частные посягали на личные или вещественные права гражданина²⁰. Г. Солнцев выделял только уголовные и полицейские преступления, вкладывая в них такое же содержание, что и О. Горегляд²¹.

Эта классификация выглядит не очень убедительно по двум причинам. Во-первых, представители науки уголовного права не сформулировали единого критерия деления деяний на виды. Здесь можно отметить сложное переплетение общественной опасности и процесса судопроизводства. Во-вторых, в этой позиции наличествует излишнее дробление. Так, непонятно, в чем состоит принципиальное отличие между уголовными и общественными преступлениями. Таким образом, классификация А. П. Куницына выражена более лаконично, четко и информативно.

Наконец, исследователь делит обиды в зависимости от качества деяния, которым нарушено право. Ученый выделял положительную обиду,

когда посредством исполнения деяния нарушается право другого, и отрицательную, когда через оставление известного деяния происходит нарушение права²². Как мы видим, Александр Петрович закладывает прообраз деяний, совершаемых путем действия и бездействия, который в дальнейшем будет развиваться юридической наукой. Особое значение А. П. Куницын придавал формам вины правонарушителя.

Обида могла причиняться как по желанию лица, нарушившего право, так и без желания по одному только сцеплению действия с противозаконным последствием²³. Таким образом, Александр Петрович намечал прообраз умысла и неосторожности. Эта догадка выглядит весьма прогрессивно, так как, например, О. Горегляд считал, что неумышленные деяния вообще не вменяются в вину²⁴. Г. Солнцев также не сформулировал четкого понимания неумышленной формы вины, сводя ее лишь к случайным деяниям, освобождающим от наказания²⁵. А. П. Куницын пошел значительно дальше.

Исследователь совершенно справедливо считал, что в случае причинения обиды по желанию правонарушителя необходимо различать, в полном ли употреблении разума находилось это лицо. По мнению ученого, обида может совершаться хотя и по желанию виновного, но на его решимость могут влиять посторонние причины, ослабляющие влияние разума на волю. Александр Петрович имел в виду сильные чувствования и воспламенения, возбуждаемые впечатлениями внешних вещей или силой воображения. Таким образом, исследователь формулирует понятие состояния психологического принуждения²⁶. Ученый не просто приходит к этому понятию, но и различает его виды, которые непосредственно определяют степень вменения вины правонарушителю.

¹⁹ Куницын А. П. Право естественное. С. 25.

²⁰ Опыт начертания российского уголовного права. С. 5.

²¹ Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым. С. 60.

²² Куницын А. П. Право естественное. С. 25.

²³ Куницын А. П. Право естественное. С. 25.

²⁴ Опыт начертания российского уголовного права. С. 1.

²⁵ Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым. С. 59.

²⁶ Куницын А. П. Право естественное. С. 25—26.

Если психологическое принуждение так сильно действовало на разум, что человек мог прийти в самозабвение, и только это обстоятельство стало причиной противозаконного деяния, то он не подлежит вменению. «Должно, однако ж, заметить, что воспламенения и сильные чувствования иногда возбуждаются по воле человека, иногда против оной. В первом случае противозаконное деяние вменяется, а во втором не вменяется», — совершенно справедливо отмечал исследователь²⁷. Далее ученый раскрывает понятие и виды неосторожной формы вины.

«Если человек, будучи в полном употреблении разума, решился произвести такое действие, из которого произошло нарушение права без его намерения, то сие называется неосмотрительностью, а самое нарушение права — виною», — полагал Александр Петрович²⁸. Этот тезис исследователь считал изъятием из общего правила, согласно которому человеку свойственно каждое деяние производить по намерению, т.е. умышленно. Ученый раскрывает понятие неосмотрительности посредством его градации на виды — невежество и заблуждение. В первом случае речь идет о недостатке сведений, а во втором о ложном сведении²⁹. Оба этих вида неосмотрительности могут быть как преодолимыми, так и непреодолимыми. Если виновник деяния употребил надлежащее старание о приобретении сведения, от недостатка или несовершенства которого произошло нарушение права, то незнание и заблуждение непреодолимы. Если же старание о приобретении надлежащего права не было употреблено, то незнание и заблуждение преодолимы. Таким образом, в этом случае речь идет о небрежности. Непреодолимое невежество и заблуждение исключают всякое вменение. Преодолимое вменение и заблуждение не исключают вменение, однако оно может быть большее или меньшее — в зависи-

мости от степени возможности его преодоления виновником и употребленного им старания³⁰. Как мы видим, хотя взгляды Александра Петровича были не столь разработаны, как современные, тем не менее неосторожная форма вины была им сформулирована более прогрессивно, чем представителями науки уголовного права. Закладывается также прообраз обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Исследователь писал: «Право одного человека исполнять известные деяния возлагает обязанность на прочих допускать оные. Вред, проистекающий для меня от законных деяний другого человека, не дает мне права ему противиться в совершении оных»³¹. Это прогрессивное положение не было сформулировано наукой уголовного права. О. Горегляд писал: «Если деяние не запрещено законом, то по общему правилу не подлежит наказанию, однако к сему непременно требуется, дабы сие же деяние не было вместе и вредно для государства или частных людей, ибо если оно причиняет какой вред, то не освобождает от соразмерной ответственности»³². Более того, Александр Петрович закладывает достаточно четкий прообраз необходимой обороны.

Признавая право человека на жизнь, исследователь справедливо отмечает одновременно и право защищать ее от нападений других людей. «Если человек не может иначе сохранить жизнь свою, как умерщвлением несправедливого нападающего, то разум предписывает ему и сие право, ибо в сем случае жизнь невинного находится в противоречии с жизнью виновного (нападающего); тот или другой непременно должен лишиться оной; но закон разума признает справедливым, чтобы жизнь невинного сохранена была чрез пожертвование жизни виновного»³³. Таким образом, ученый единственным пределом необходимой обороны видел ее со-

²⁷ Куницын А. П. Право естественное. С. 26.

²⁸ Куницын А. П. Право естественное. С. 26.

²⁹ Куницын А. П. Право естественное. С. 27.

³⁰ Куницын А. П. Право естественное. С. 27.

³¹ Куницын А. П. Право естественное. С. 35.

³² Опыт начертания российского уголовного права. С. 2—3.

³³ Куницын А. П. Право естественное. С. 32—33.

размерность, т.е. невозможность защитить свою жизнь иным способом, кроме как причинением смерти виновному в нападении. Косвенно из этого ограничения можно вывести и требование ее своевременности.

Наконец, необходимо отметить взгляд Александра Петровича на наказание. Прежде всего исследователь отмечал необходимость его существования наряду с воздаянием за добро: «Поколикую зло учиненное остается невозвратным, часто даже невознаградимым, то, дабы положить преграду недоброжелательству, разум признает законным возмездие злом тому, кто другим зло причиняет, для ободрения же доброжелательства — вознаграждение благом людей добродетельных»³⁴. Признание необходимости возмездия неправомерным поступкам, исследователь не одобрял это явление.

Не признавая наказание нравственным возмездием, ученый писал: «Чтобы определить нравственное возмездие и меру оно, надлежит знать, сообразно ли человек поступал с законами своей совести или как далеко от них удалился, чего суд человеческий определить не может. Никто даже о себе с точностью сказать не может, как нравственно поступил в каком-либо случае. Только существо всеведущее может точно определить меру доброты и злости человеческой воли по законам совести»³⁵. Действительно, наказание никогда не может быть до конца объективно, а лицо, применяющее право, не в состоянии оценить внутренний мир правонарушителя. Над этим постулатом А. П. Куницына необходимо сегодня задуматься.

Анализируя взгляды А. П. Куницына на правонарушение, нельзя не сформулировать ряд обобщающих выводов. Прежде всего, исследователь вполне объективно и закономерно

описывает процесс появления права, в рамках которого выделяет права человека. Этот акцент особенно актуален сегодня. Деление прав человека на первоначальные и производные — совершенно правильная догадка, которая была воспринята юридической наукой в целом. Право производить деяния свидетельствует о признании поведения человека единственной формой его социальной активности, которая может как соответствовать требованиям норм права, так и идти с ними вразрез.

Формулируя понятие деяния, несообразного с законом, Александр Петрович не употребляет термины «преступление» или «правонарушение». Однако используемое им слово «обида» лишь в рамках общей дефиниции адресует к частноправовой трактовке противоправного деяния. Предложенные им классификации видов обид по четкости, лаконичности и глубине мысли превосходят градации видов преступлений, предложенные его современниками — представителями науки уголовного права. Это весьма редкое явление, так как в большинстве случаев именно наработки доктрины уголовного права предшествуют собственно общетеоретическим идеям. Его взгляды на неосторожную форму вины и вовсе не имели аналогов в среде исследователей феномена преступления.

Оценивая взгляды своего выдающегося однофамильца, современный исследователь А. С. Куницын отмечает: «Идеи А. П. Куницына сыграли важную роль в подготовке российского общественного мнения к осознанию необходимости проведения прогрессивных государственных преобразований и борьбы за утверждение священных прав и свобод каждой личности»³⁶. Это свидетельствует о признании заслуг великого русского ученого-юриста.

³⁴ Куницын А. П. Право естественное. С. 22.

³⁵ Куницын А. П. Право естественное. С. 29—30.

³⁶ Куницын А. С. Теория естественного права в России: история и современность. Курск : Курск. гос. ун-т. 2006. С. 69.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гимишян Л. С. Государственно-правовые воззрения А. П. Куницына : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2004. — 203 с.
2. Гогин А. А. Правонарушения: понятие, сущность, виды : монография. — М. : Nota Bene, 2007. — 178 с.
3. Куницын А. П. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. — Изд. 2-е. — М. : Ленанд, 2015. — 160 с.
4. Куницын А. П. Право естественное. — М. : Издательство ЛКИ, 2011. — 162 с.
5. Куницын А. П. Энциклопедия прав : Изображение системы политических наук. — М. : Красанд, 2010. — 104 с.
6. Куницын А. С. Теория естественного права в России: история и современность. — Курск : Курск. гос. ун-т, 2006. — 141 с.
7. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1 : О преступлениях и наказаниях вообще. Сочинение коллежского асессора Осипа Горегляда. — СПб., 1815. — 224 с.
8. Ошерович Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII века — первая четверть XIX века). — М. : Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1946. — 312 с.
9. Развитие русского права в первой половине XIX века. — М. : Наука, 1994. — 368 с.
10. Российское уголовное право, изложенное Гавриилом Солнцевым. Казань. 1820. Под редакцией и с вступительной статьей о Г. И. Солнцева Г. С. Фельдштейна, профессора Демидовского юридического лицея. — Ярославль, 1907. — 302 с.

Материал поступил в редакцию 2 мая 2018 г.

CATEGORY OFFENSE IN THEORETICAL AND LEGAL VIEWS OF ALEKSANDR P. KUNITSYN

EGOROV Aleksandr Aleksandrovich, PhD in Law, Lecturer of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Egorov.a90@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to theoretical and legal views of Aleksandr P. Kunitsyn concerning the concept offense. The author analyzes the process of emergence of law and human rights as its type, in the context of which the right to perform acts is particularly highlighted. The paper examines the scholars' views with regard to the concept, types, elements of the offense and the circumstances excluding criminality of the act. General theoretical ideas of Aleksandr P. Kunitsyn are compared with the views of his contemporaries — representatives of the science of criminal law — in order to determine the degree of their development. In conclusion, the stance of Aleksandr P. Kunitsyn concerning the issue of punishment is given.*

The author notes that Kunitsyn quite objectively and naturally describes the process of emergence of law within which he places emphasis on human rights. This emphasis is particularly relevant today. The division of human rights into primary and derivative is a perfectly correct guess that has been accepted by the legal science as a whole. Formulating the concept of an act inconsistent with the law, Aleksandr P. Kunitsyn uses neither "crime" nor "wrong." However, the word "offense" used by him only within the framework of the general definition refers to the private law interpretation of a wrongful act. Classifications of types of offenses offered by him surpass classifications offered by his contemporaries — representatives of the science of criminal law — by definition, conciseness and depth of thought. This is a very rare phenomenon, since in most cases it is the developments of the criminal law doctrine that precede the actual general theoretical ideas. His views on careless form of guilt did not have analogues among researchers of the phenomenon of crime.

Keywords: *law, original rights, derivative rights, human rights, right to act, resentment, psychological coercion, necessary defense, negligence, retaliation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Gimishyan L. S.* Gosudarstvenno-pravovye vozzreniya A. P. Kunitsyna : dis. ... kand. jurid. nauk. — Saratov, 2004. — 203 s.
2. *Gogin A. A.* Pravonarusheniya: ponyatie, sushchnost', vidy : monografiya. — M. : Nota Bene, 2007. — 178 s.
3. *Kunitsyn A. P.* Istoricheskoe izobrazhenie drevnego sudoproizvodstva v Rossii. — Izd. 2-e. — M. : Lenand, 2015. — 160 s.
4. *Kunitsyn A. P.* Pravo estestvennoe. — M. : Izdatel'stvo LKI, 2011. — 162 s.
5. *Kunitsyn A. P.* Entsiklopediya prav : Izobrazhenie sistemy politicheskikh nauk. — M. : Krasand, 2010. — 104 s.
6. *Kunitsyn A. S.* Teoriya estestvennogo prava v Rossii: istoriya i sovremennost'. — Kursk : Kursk. gos. un-t, 2006. — 141 s.
7. Opyt nachertaniya rossiyskogo ugovnogo prava. Ch. 1 : O prestupleniyakh i nakazaniyakh voobshche. Sochinenie kollezhskogo asesora Osipa Goreglyada. — SPb., 1815. — 224 s.
8. *Osherovich B. S.* Ocherki po istorii russkoy ugovno-pravovoy mysli (vtoraya polovina XVIII veka — pervaya chetvert' XIX veka). — M. : Yurid. izd-vo Min-va yustitsii SSSR, 1946. — 312 s.
9. Razvitie russkogo prava v pervoy polovine XIX veka. — M. : Nauka, 1994. — 368 s.
10. Rossiyskoe ugovnoe pravo, izlozhennoe Gavriilom Solntsevym. Kazan'. 1820. Pod redaktsiyey i s vstupitel'noy stat'ey o G. I. Solntseve G. S. Fel'dshteyna, professora Demidovskogo yuridicheskogo litseya. — Yaroslavl', 1907. — 302 s.